

© Г.Ф. РОМАШКИНА, И.Ф. ПЕЧЕРКИНА

gr136@mail.ru, pecherki@mail.ru

УДК 300.331

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ
НА ПОЛЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ:
ПОПЫТКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ***

АННОТАЦИЯ. Анализируются взаимосвязи между уровнем и характером развития гражданского общества, публичной политики и особенностями перехода к инновационному типу развития в российских условиях. Для получения такой оценки была использована малая целевая выборка (302 эксперта — агенты публичной политики: региональная власть; сотрудники государственных и муниципальных учреждений; представители бизнес-среды и представители НКО). Продемонстрирована специфика социальной системы постсоветского типа: каркас стратификации образуют структуры государственной власти, распространяющейся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. В результате исследования авторы приходят к выводу, что власть удовлетворена реальными условиями и возможностями для развития гражданского общества, тогда как представители других сообществ скорее недовольны ситуацией. С одной стороны, вместо экономических рычагов управления элиты считают необходимым применять внеэкономические, но, с другой стороны, демократические институты пока не востребованы ни властью, ни бизнесом. Фактически в обществе не сформирована социальная база реальных механизмов публичного управления, а экономическая система практически завершила свое формирование как этатристическая, обеспечивающая слияние экономических и политических элит при практически полном исключении из процесса социально-экономических механизмов и социальных лифтов.

SUMMARY. The present article focuses on the analysis of the relationship between the level and nature of civil society development, public policy and the characteristics of transition to innovative development in Russian conditions. The current assessment is based on a small target sample (302 experts – public policy agents: regional authorities, the employees of state and local government agencies, representatives of business sector and the representatives of non-profit organizations (NPOs)). The article highlights the specifics of the post-Soviet social system types: the stratification frame is formed by state authorities, covering the bulk of material, labor and information resources. As a result, the authors of the study conclude that the authority is satisfied with the actual conditions and opportunities for the development of civil society, while members of other communities are rather unhappy about the situation. On the one hand, the elite consider it necessary to apply non-economic control instead of the economic one,

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы» (ГК № 14.740.11.1377.)

on the other hand — democratic institutions are not necessary for either authorities or business. In fact, the social basis of actual mechanisms of public administration is not formed in society, while the economic system has almost completed its formation as an etacratie one providing the merge of economic and political elites practically excluding social and economic mechanisms and social mobility.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Управление, экономика, регион, показатели, индикаторы.
KEY WORDS. Management, the economy, region, indicators, indexes*

Известный польский социолог П. Штомпка показал, что власть имущие всегда могут добиться разделения труда в соответствии с собственными частными интересами или заблокировать дифференциацию, если она вдруг будет противоречить им, и приводил множество документальных свидетельств того, что «именно те, кто обладает наибольшей властью, в наибольшей степени определяют и критерий эффективности» [1]. То, насколько верно данное утверждение, мы можем убедиться в реальной жизни индивидуумов и социальных общностей. Экономическое неравенство неизбежно, но чрезмерное неравенство создает угрозу целостности общества. В этом смысле функции управления включены в саму ткань общественной жизни. Экономическое неравенство принимает вид социальных и культурных различий. Индивиды, не имеющие денег и конкретных товаров, лишены необходимого социального и культурного капитала. Способы формирования властных структур составляют основу любого общества. Специфика социальной системы постсоветского типа заключается в том, что здесь каркас стратификации образуют структуры государственной власти, распространяющейся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. Согласно В. Радаеву и О. Шкаратану, в структуре власти ключевое место принадлежит позициям в распределении ресурсов [2].

Реальный социальный процесс — это поддержание представителями власти того социального порядка в обществе, когда одним из решающих мотивов их деятельности является утверждение (установление) собственных статусных (властных) позиций и извлечение политической, экономической и административной ренты [3]. Основная часть прибыли (доходов, выручки) перераспределяется через систему дифференцированных цен, налогов и платежей. И даже те ресурсы, которые остаются в распоряжении производителя, могут использоваться лишь в соответствии с установленными свыше нормативами. Надо отметить, что в этой позиции имеются существенные детали, которые разработал М. Вебер [4]. Кроме экономического аспекта стратификации М. Вебер учитывал также такие ее важные аспекты, как собственность, власть и престиж [5]. П. Бурдьё в свою очередь выделил как социальную закономерность то, что люди, обладающие высоким социальным статусом, не только имеют много денег. Они также обладают большей информацией, большими ресурсами и возможностями поддерживать свое социальное преимущество. Бурдьё установил, что социальные связи обладают реальной стоимостью (ценой), поскольку обеспечивают доступ к хорошей работе, хорошему университету, дому и т.д. [6].

Анализ литературы и экспертных интервью показал, что в российской современной действительности место чистых экономических связей занял особый род отношений, который стал называться «властно-собственническими» и разрабатывался такими учеными, как Л.С. Васильев (феномен власти-собственности) [7],

С.Г. Кирдина (теория институциональных матриц) [8], Ю.И. Семенов (феномен «прагосударства» как одного из типов традиционной социальной структуры) [9], Р.М. Нуреев (феномен восточного деспотизма) [10], В.В. Радаев и О.И. Шкаратан (феномен власти и собственности) [11], этакратических отношений, описанных Т.И. Заславской [12].

Утверждается, что рыночная экономика, основанная на свободной конкуренции, дает лучший результат, чем принудительная регламентация экономической деятельности. Тем не менее, те же источники обращают внимание на необходимость управления социально-экономическим развитием. Переходя к анализу содержания регионального уровня управления социально-экономического развитием, важно подчеркнуть, что оно связывается с проявлением социального неравенства в территориальной проекции, с процессами формирования территориальных общностей и территориального разделения труда. Основной вопрос социологии «Возможен ли социальный порядок?» в нашем контексте заменен на вопрос «Возможно ли эффективное управление социально-экономическим развитием?» Тогда особенно важным представляется оценка качества управления социально-экономическим развитием региона, что невозможно без исследования значимости этих показателей.

Эмпирическое исследование, проведенное в августе 2012 г., было направлено на выявление взаимосвязи между уровнем и характером развития гражданского общества, публичной политики и особенностями перехода к инновационному типу развития в российских условиях, ибо инновационный технологический и экономический рост, как показывает мировая практика, происходит в тех странах, где имеется развитая гражданственность и высокая степень доверия между властью, бизнесом и гражданскими инициативами.

Для получения такой оценки была использована малая целевая выборка. Было опрошено 302 эксперта — представителей тех социальных групп, которые являются активными участниками публичной политики в регионе. При анализе было выделено четыре группы: 1) региональная власть (сотрудники подразделений исполнительной власти области, города; депутаты или сотрудники аппарата представительной власти) — 18%; 2) сотрудники государственных и муниципальных учреждений (в эту группу были включены руководители и сотрудники отделов и подразделений налоговой инспекции, полиции, статуправления, руководители отделений муниципальных лечебных учреждений, руководители подразделений учебных заведений и т.п.) — 17%; 3) представители бизнес-среды (владельцы малого и среднего бизнеса и руководители разного уровня) — 33% и 4) представители НКО-сектора (руководители некоммерческих и общественных организаций и их сотрудники) — 33%.

Опросный лист включает в себя два содержательных вопроса. Первый содержит набор показателей*, характеризующих степень развитости субъектов и институтов публичной политики в регионе. Кратко под *публичной политикой* можно понимать «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий основных групп гражданского общества — бизнеса и некоммерческих и общественных организаций через их представителей» [14], т.е. главный акцент при изучении

* Методика разработана В.Н. Якимцом [13].

публичной политики ставится на гражданское и деловое участие во взаимодействии с властью при решении социально-значимых проблем общества.

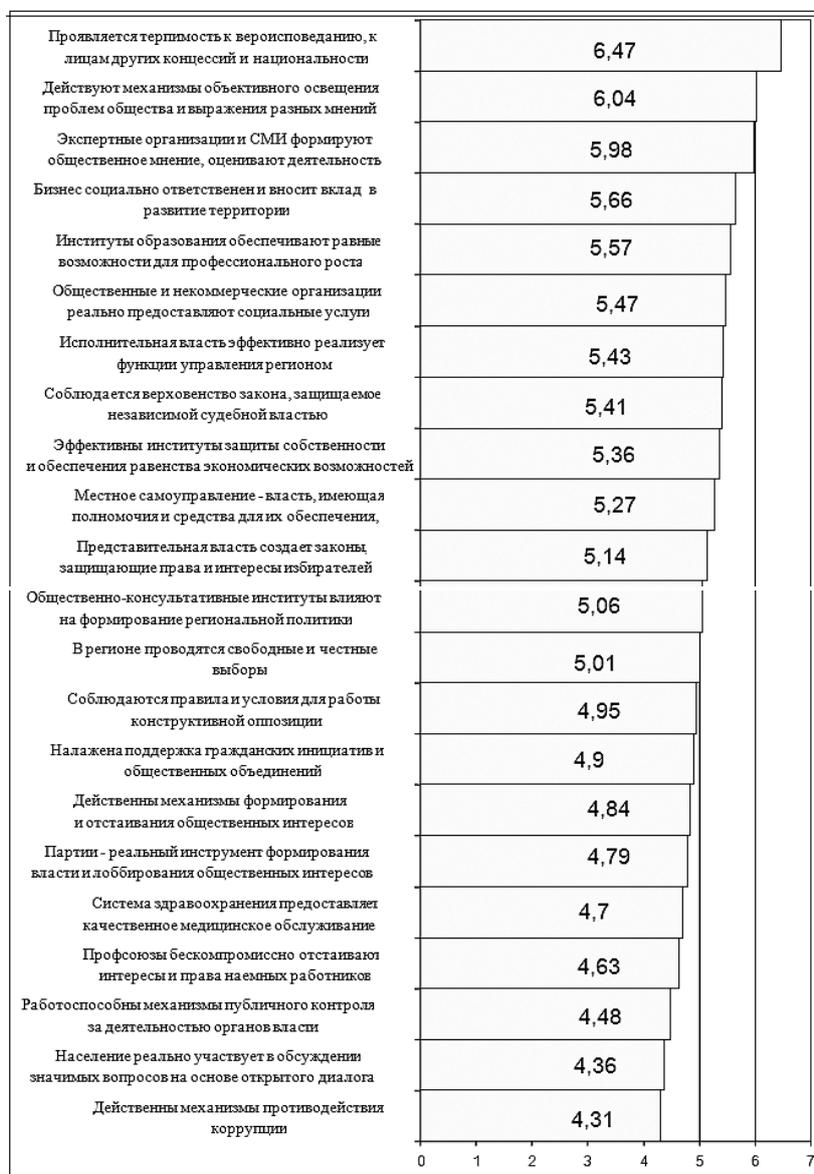

Рис. 1. Средняя оценка параметров развитости субъектов и институтов публичной политики в регионе. (1 — худшая оценка, 10 — лучшая)

Экспертам предлагалось оценить 22 параметра, характеризующих различные аспекты проявления публичной политики и публичной сферы в регионе, а также активных субъектов этого процесса — партии, бизнес, НКО, региональную исполнительную и законодательную власть, местное самоуправление,

профсоюзы и т.д. Главный критерий при оценивании — насколько выражен в региональной публичной политике тот или иной признак, который предложен в опросном листе в горизонтальной строчке. Оценка производилась по 10-балльной шкале, где «1» — худшая оценка, «10» — лучшая. Второй вопрос содержит 28 показателей эффективности управления социально-экономическим развитием региона. Респондентам предлагалось высказать мнение о значении каждого показателя для оценки качества регионального управления. Измерение производилось с помощью 10-балльной шкалы, где «1» — показатель не имеет значение (неважен) для оценки качества управления социально-экономическим развитием региона, «10» — показатель крайне важный.

Средняя оценка качества развитости субъектов и институтов публичной политики в регионе, данная экспертами по 22 параметрам — 5,17 (практически середина предложенной шкалы) — позволяет говорить о невысокой эффективности взаимодействия власти и общества в регионе.

Худшую оценку эксперты дают трем следующим параметрам: механизмам противодействия коррупции; участию населения в обсуждении с властью значимых вопросов, механизмам публичного контроля за деятельностью органов власти. Большинство остальных параметров также оценено крайне невысоко: медиана оценки большинства параметров равна 5 (по 10-балльной шкале). Единственный параметр, который оценен относительно положительно — *«Проявляется терпимость к вероисповеданию, к лицам других конфессий и национальности»* — среднее 6,47 (рис. 1).

Баллы были сгруппированы в три группы: 1) Положительные оценки (оценки 10, 9, 8); 2) Средние оценки (7, 6, 5, 4) и 3) Отрицательные оценки (1, 2, 3). Эксперты критично оценивают ситуацию по всем 13-ти параметрам из 22, более 25% экспертов дали худшие оценки. Наихудшую оценку 40% экспертов дают по трем параметрам: *«Действительны механизмы противодействия коррупции»* — 44%; *«Работоспособны механизмы публичного контроля за деятельностью органов власти»* — 40%; *«Население реально участвует в обсуждении значимых вопросов на основе открытого диалога с властью в регионе»* — 38%.

Оценки параметров качества взаимодействия власти и гражданского общества в регионе значительно различаются в зависимости от группы экспертов. Так, представители власти дают значительно более высокие оценки по всем параметрам (средняя оценка по всем 22 показателям — 6,40). Бизнес-сообщество — самая критичная группа экспертов (средняя оценка по всем показателям — 4,66). Последние крайне низко оценивают практически все показатели, за исключением — *«Бизнес социально ответственен и вносит вклад в развитие территории»*, *«Институты образования обеспечивают равные возможности для профессионального роста и развития граждан»*, *«Проявляется терпимость к вероисповеданию, к лицам других конфессий и национальности»*.

Представители общественных организаций более осторожны в своих оценках, чем бизнес-сообщество, их оценки ближе к средним, но значительно ниже, чем у представителей власти (средняя оценка по всем показателям — 5,14). Сотрудники государственных и муниципальных учреждений, судя по оценкам, не ассоциируют себя с властью, их оценки публичной политики близки к оценкам представителей коммерческой и НКО-сферы (средняя оценка — 5,09).

Итак, власть в своем видении ситуации дистанцируется от других активных акторов регионального сообщества. Их оценки смещены в сторону желаемого, близки к позиции «удовлетворения» реальными условиями и возможностями для развития гражданского общества. В то время как представители других региональных сообществ скорее недовольны ситуацией, сложившейся в регионе, они не видят возможностей для развития своей гражданской и деловой инициативы.

Далее, экспертам было предложено оценить важность каждого из 28 показателей, которые могут быть применены для оценки качества управления социально-экономическим развитием региона. На основании анализа Указа Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 был предложен следующий набор показателей для оценки эффективности государственного управления на территории субъектов РФ:

1) Показатели экономического развития региона (*Валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения; Уровень занятости в экономике (показатель трудовой активности); Уровень безработицы; Степень отраслевой зависимости экономики региона от общероссийской конъюнктуры; Уровень инновационного развития экономики региона*).

2) Показатели, характеризующие инвестиционный климат в регионе (*Инвестиционный климат в регионе; Поддержка предпринимательства; Уровень экономической безопасности бизнеса; Развитость инфраструктуры для бизнеса*).

3) Компетентность управления регионом (*Эффективность бюджетной политики (бюджетный дефицит/профицит); Наличие и реализация стратегии развития региона*).

4) Качество жизни населения (*Уровень жизни населения; Качество жизни населения; Обеспеченность населения жильем; Продолжительность жизни населения*).

5) Уровень развития социальной сферы (*Уровень социальной защиты населения; Уровень развития здравоохранения; Доступность образования в регионе; Обеспеченность населения культурными учреждениями и спортивными сооружениями; Развитие социальной инфраструктуры*).

6) Обеспечение безопасности граждан (*Уровень преступности; Динамика социальных болезней (наркомания, алкоголизм) в регионе; Состояние окружающей среды по основным показателям (состояние воздушной и водной сред, почв и т.д.)*

7) Удовлетворенность населения качеством и доступностью предоставляемых услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры (*Удовлетворенность населения качеством и доступностью предоставляемых услуг в сфере культуры; Удовлетворенность населения качеством и доступностью предоставляемых услуг в сфере здравоохранения; Удовлетворенность населения качеством и доступностью предоставляемых услуг в сфере образования*).

8) Человеческий потенциал (*Качество трудовых ресурсов*).

9) Показатели качества взаимодействия власти и гражданского общества (*Обеспечение участия граждан в принятии политических решений и управлении*).

В целом все предложенные показатели оценены респондентами как важные и скорее важные. Медиана оценки 24-х показателей — 8 баллов (рис. 2).

В пятерку самых важных критериев эффективности управления регионом вошли показатели качества жизни, уровни развития социальной сферы и безопасности населения.

Меньшую значимость с точки зрения экспертов имеют показатели: «Степень отраслевой зависимости экономики региона от общероссийской конъюнктуры», «Обеспечение участия граждан в принятии политических решений и управлении», «Удовлетворенность населения качеством и доступностью предоставляемых услуг в сфере культуры».

Если объединить оценки показателей по задачам регионального управления, то рейтинг их важности выглядит следующим образом (рис. 2). Приоритет с точки зрения экспертов имеют развитие социальной сферы, качество жизни населения, развитие инфраструктуры для бизнеса и уровень безопасности населения.

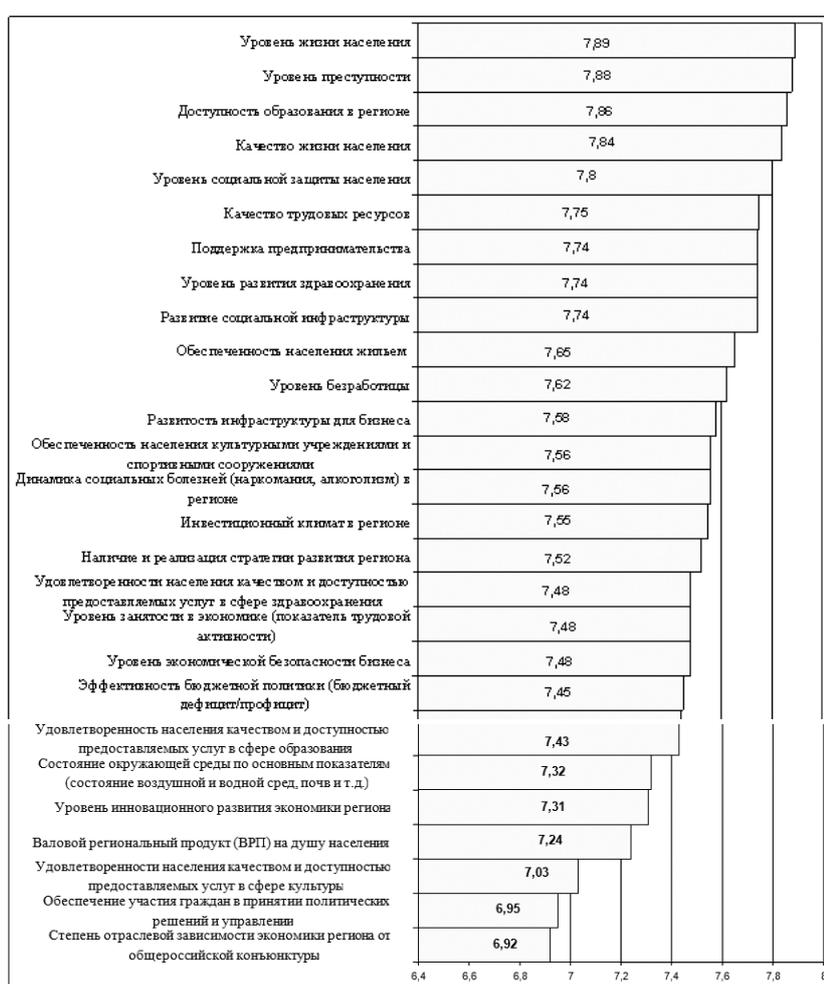

Рис. 2. Рейтинг показателей, оценивающих качество управления регионом, среднее значение

Резюмируем: показатели развития экономики региона и компетентности управления во мнении экспертов значимо уступают в важности социальным показателям. Участие граждан в принятии политических решений попало на последнее место в рейтинге, что свидетельствует о невысоком уровне развития политической культуры участников управленческого процесса на региональном уровне.

Рассмотрим, как проявляются межгрупповые различия в оценках рейтинга показателей качества управления региона. В табл. 1 показатели расположены в порядке убывания значимости, в скобках показана средняя оценка параметра в данной группе (среднегрупповая оценка). Стрелками указано направление изменения оценки показателя при межгрупповом переходе.

Таблица 1

Рейтинг показателей, оценивающих качество управления регионом в группах экспертов, в скобках показана средняя оценка

Власть	Сотрудники государственных и муниципальных учреждений	Бизнес	НКО
Качество жизни населения (8,2)	Уровень развития социальной сферы (7,81)	Качество жизни населения (8,03)	Уровень развития социальной сферы (7,39)
Развитие инфраструктуры для бизнеса (8,2)	Компетентность управления (7,65)	Развитие инфраструктуры для бизнеса (7,89)	Уровень безопасности населения (7,37)
Уровень развития социальной сферы (8,09)	Уровень безопасности населения (7,64)	Уровень развития социальной сферы (7,81)	Качество жизни населения (7,16)
Компетентность управления (8,09)	Качество жизни населения (7,6)	Уровень безопасности населения (7,55)	Компетентность управления (7,13)
Уровень безопасности населения (7,97)	Развитие инфраструктуры для бизнеса (7,45)	Удовлетворенность населения (7,37)	Развитие инфраструктуры для бизнеса (7,01)
Развитие экономики региона (7,9)	Развитие экономики региона (7,44)	Компетентность управления (7,36)	Обеспечение участия граждан в принятии политических решений и управлении (7)
Удовлетворенность населения (7,79)	Удовлетворенность населения (7,28)	Развитие экономики региона (7,3)	Развитие экономики региона (6,91)
Обеспечение участия граждан в принятии политических решений и управлении (7,58)	Обеспечение участия граждан в принятии политических решений и управлении (6,71)	Обеспечение участия граждан в принятии политических решений и управлении (6,66)	Удовлетворенность населения (6,9)

В заключение можно отметить следующее. Эксперты всех групп отдают приоритет показателям развития социальной сферы и качеству жизни населения. Показатель, характеризующий участие граждан в принятии политических решений и управлении, оказался аутсайдером во всех группах экспертов, кроме НКО-сообщества. Этот факт тем более важно отметить на фоне крайне низкого уровня оценки качества управления в сфере политических институтов: работоспособны механизмы публичного контроля за деятельностью власти (4,48); население реально участвует в обсуждении значимых вопросов на основе открытого диалога (4,36); действенны механизмы противодействия коррупции (4,31) из 10 возможных (см. рис. 1).

Эксперты из групп бизнеса и власти в целом сходно расставляют приоритеты регионального управления. Представители власти в отличие от остальных экспертов придают большее значение всем рассматриваемым показателям. Эксперты из бизнес-среды подчеркивают важность показателей, характеризующих создание благоприятных условий для предпринимательства. Представители НКО-сообщества и сотрудники государственных и муниципальных учреждений акцент делают на уровне развития социальной сферы. Валовой региональный продукт на душу населения, основной параметр оценки по всем мировым методикам, в нашем случае (рис. 2) оказался внизу рейтинга.

Наименьшим образом изменяется при переходе от группы к группе оценка обеспечения участия граждан в принятии политических решений и управлении и развитии экономики региона, оставаясь в нижнем квартиле рейтинга как по значимости, так и по оценке качества управления. Обратим внимание на данный факт еще и потому, что в свободно изменяющейся системе наихудшие по оценкам качества параметры автоматически повышают свою важность в рейтингах потому, что люди замечают отсутствие возможностей для реализации своих потребностей в данной сфере. В нашем случае этого не происходит — нижний участок рейтинга как по качеству управления, так и по важности занимают важнейшие для развитых демократических стран экономические и политические институты.

В своих оценках значимости показателей качества управления регионом экспертов можно условно разделить на две группы — первые делают упор на создание условий для развития бизнеса как гаранта развития региона, в том числе и его социальной сферы (это, как правило, представители бизнеса и власти); вторые в большей степени оценивают успешность управления через выполнение социальных обязательств власти (это эксперты из НКО-сообщества и сотрудники государственных и муниципальных учреждений).

Главный вывод проведенного исследования: с одной стороны, вместо экономических рычагов управления элиты считают необходимым применять внеэкономические, но, с другой стороны, демократические институты пока не востребованы ни властью, ни бизнесом. Фактически в обществе не сформирована социальная база реальных механизмов публичного управления, а экономическая система практически завершила свое формирование как этакратическая, обеспечивающая слияние экономических и политических элит при практически полном исключении из процесса социально-экономических механизмов и социальных лифтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 16.
2. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. С. 52.
3. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политич. энциклопедия. 2004. С. 520.
4. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 148.

5. Кравченко А.И. Социология Макса Вебера: труд и экономика. М., 1997. С. 128.
6. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 97.
7. Васильев Л.С. Феномен власти — собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур / В кн.: Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
8. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) / Постсоветский институционализм. Под ред. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева. Донецк: Каштан, 2005. С. 75-101; Кирдина С.Г. Институциональная самоорганизация экономики: теория и моделирование (научный доклад). М.: Институт экономики РАН, 2008.
9. Семенов Ю.И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударства и аграрные отношения. / В сб. Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. С. 102-130.
10. Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш. 1989; Нуреев Р.М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3. С.47-58; Нуреев Р.М. Политическая экономия. Докапиталистические способы производства: основные закономерности развития. М.: Изд-во МГУ. 1991; Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука, 1993.
11. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. С. 50-61; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996; Радаев В.В., Шкаратан О.И. Правда этакратизма против мифа о социализме / Квинтэссенция: Философский альманах. 1991. М., 1992. С. 95-119; Шкаратан О.И. Становление постсоветского неозакратизма // Обществ. науки и современность. 2009. №1. С. 5-22. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
12. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М.: Дело. Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации. 2004. С. 57.
13. Якимец В.Н. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия / Отв. ред. А.Ю. Сунгуров. М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. С. 107-122.
14. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Особенности публичной политики в регионах России: состояние и современные вызовы // Журнал ПОЛИТЭКС. 2010. №1. URL: <http://www.politex.info/content/view/686/30/>

REFERENCES

1. Shtompka, P. *Sociologija social'nyh izmenenij* [Sociology of Social Changes]. Transl. from Eng. by V.A. Jadov. М., 1996. Pp. 16. (in Russian).
2. Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. Power and property. *Sociologicheskie issledovanija — Sociological Research*. 1991. Pp. 52. (in Russian).
3. Bourdieu, P. The forms of capital. *Zapadnaja jekonomicheskaja sociologija: hrestomatija sovremennoj klassiki* [Western economic sociology: a textbook of modern classics]. Compiled and ed. by V.V. Radaev, transl. by M.S. Dobrjakova. М., 2004. 520 p. (in Russian).
4. Veber, M. The major concepts of stratification. *Sociologicheskie issledovanija — Sociological Research*. 1994. № 5. P. 148. (in Russian).
5. Kravchenko, A.I. *Sociologija Maksa Vebera: trud i jekonomika* [Sociology of Max Weber: labor and economy]. М., 1997. P. 128. (in Russian).

6. Bourdieu, P. *Sociologija social'nogo prostranstva* [Sociology of social space] / Transl. from French by N.A. Shmatko. M., SPb., 2007. P. 97. (in Russian).
7. Vasil'ev, L.S. The phenomenon of power — property. Towards the problem of typology of pre-capitalist structures / *Tipy obshhestvennyh otnoshenij na Vostoke v srednie veka* [Types of public relations in the East during the Middle Ages]. M., 1982. (in Russian).
8. Kirdina, S.G. The theory of institutional matrices (The example of Russian institutionalism) / *Postsovetskij institucionalizm* [Post-Soviet institutionalism] / Ed. by R.M. Nureev and V.V. Dement'eva. Donetsk, 2005. Pp. 75-101; Kirdina, S.G. *Institucional'naja samoorganizacija jekonomiki: teorija i modelirovanie (nauchnyj doklad)* [Institutional self-organization of the economy: Theory and Simulation (a scientific report)]. M.: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, 2008. (in Russian).
9. Semenov, Y.I. On a type of traditional social structures in Africa and Asia: proto-states and agrarian relations / *Gosudarstvo i agrarnaja jevoljucija v razvivajushhijhsja stranah Azii i Afriki* [The state and agrarian evolution in the developing countries of Asia and Africa]. M., 1980. Pp. 102-130. (in Russian).
10. Nureev, R.M. *Jekonomicheskij stroj dokapitalisticheskijh formacij* [The economic structure of pre-capitalist formations]. Dushanbe: Donish, 1989; Nureev, R.M. Asian mode of production and socialism. *Voprosy jekonomiki — The problems of Economics*. 1990. № 3. Pp. 47-58; Nureev, R.M. *Politicheskaja jekonomija. Dokapitalisticheskie sposoby proizvodstva: osnovnye zakonomernosti razvitija* [Political economy. Pre-capitalist modes of production: the basic patterns of development]. M., 1991; Nureev, R.M. Asian mode of production as an economic system. *Fenomen vostochnogo despotizma: struktura upravljenja i vlasti* [The phenomenon of Oriental despotism: the structure of governance and power]. M.: Nauka, 1993. (in Russian).
11. Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. Power and property. *Sociologicheskie issledovanija — Sociological Research*. 1991. Pp. 50-61; Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. *Social'naja stratifikacija* [Social stratification]. M., 1996; Radaev, V.V., Shkaratan, O.I. The truth of etakratizm against the myth of socialism. *Kvintjessencija: Filosofskij al'manah. — Quintessence: The philosophical almanac*. 1991. M., 1992. Pp. 95-119; Shkaratan, O.I. The formation of the post-Soviet neoetakratizm. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' — Public sciences and modernity*. 2009. № 1. Pp. 5-22; Shkaratan, O.I. *Social'no-jekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii* [Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia]. M., 2009. (in Russian).
12. Zaslavskaja, T.I. *Sovremennoe rossijskoe obshhestvo. Social'nyj mehanizm transformacii* [Modern Russian society. Social transformation mechanism]. M.: Delo, 2004. 57 p. (in Russian).
13. Jakimec, V.N. The index for the assessment and monitoring of public policy. *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshhestvo i vlast': opyt razvitija i vzaimodejstviija* [Public space, civil society and power: the experience of development and interaction] / Edit. Board: A.U. Sungurov (Ed.). M., 2008. Pp. 107-122. (in Russian).
14. Nikovskaja, L.I., Jakimec, V.N. Features of public policy in the regions of Russia: the state and the current challenges. *Zhurnal POLITEKS — POLITEKS*. 2010. № 1. URL: <http://www.politex.info/content/view/686/30/> (in Russian).